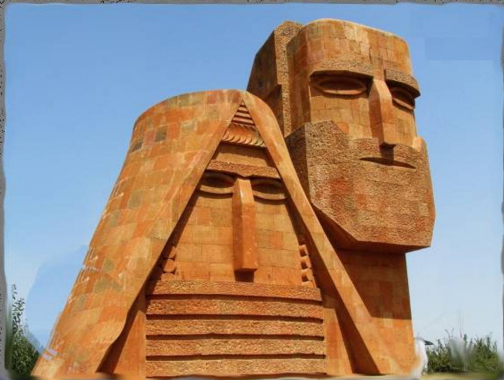

С. Огольцов

Дорогая моя столица . . .

Степанакерт-Сага: книга 3-я

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Огольцов

Дорогая моя столица...

<https://litres.ru/74673359>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга сложена из 2-х частей:

1) первая – «Провициальное лето '98-го» – состоит из серии очерков, которые (почти все) были опубликованы в печатных органах Нагорного Карабаха в одноимённое лето, когда всяк дрыгался во что горазд, борясь за выживание в послевоенном пространстве.

2) события представленные во второй части — «За городской чертой» — разворачиваются (почти все) вне Степанакерта, и несколько позднее.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

39

Сергей Огольцов

Дорогая моя столица...

Дорогая моя столица...

By Sehrguey Ogoltsoff

AI + SO © Sehrguey Ogoltsoff, 2026

Третья планета от солнца, восточное полушарие, к северу от тропика Рака. Короче, тут он я — лицом к лицу с монитором, клавишей и мышью моего ПК

С. Огольцов

Дорогая моя столица...

2026

Поясниловка

Что такое «Степанакерт-Сага»? Это серия книг очевидца, независимого писателя.

Что такое независимый писатель? Это который пишет не то, что дозволено, морально, правильно, истинно, и выгодно...

Нет! Без оглядки на общепринятые устои он повествует о том, что видел, прочувствовал, чем обманулся не раз до полного: «да пошло оно!»...

Сволочь он — без партийной принадлежности, без идеа-

лов и Родины — этот независимый сукин сын...

«Степанакерт-Сага»: литературная летопись тридцати семи лет, от

полного надежд начала и до печального финала борьбы армян Нагорного Карабаха за независимость родной земли.

Звучит как предвыборная говорильня пидорка-популиста, нет? Или речуга военрука средней школы. Что есть то есть, не без того.

Кьянга, ли! Тут и смех, и грех, трагедия — обхохочешься! Комедия

— до гробовой доски.

То есть, чтиво вполне занимательное для широкого круга читателей любого калибра и нацеленности интересов. Не исключая серьёзных исследователей сверхглубинных вопросов, что-нибудь типа: как и почему армяне всего мира — карабахские вобщем числе, однако в последнюю очередь — утратили эту свою—основную по значимости—историческую родину.

Синопсис

Книга сложена из 2-х частей:

1) первая — «Провициальное лето '98-го» — состоит из серии очерков, которые (почти все) были опубликованы в печатных органах Нагорного Карабаха в одноимённое лето, когда всяк дрыгался во что горазд, борясь за выживание в послевоенном пространстве.

2) события представленные во второй части — «За городской чертой» — разворачиваются (почти все) вне Степана-керта, и несколько позднее.

Часть первая: Провинциальное Лето 98-го

1

Публичные Изъявления Неиссякаемой Признательности Кое-что о катаклизмах (типа эпитафий)

Четвёртый фараон семнадцатой династии Ахулидзалупон Пти-Пси, владыка Верхнего и Нижнего Египтов — и протчая, и протчая... — оскользнулся в тумане, поднапущенном прельстительным хитромудрием магов коварственной Месопотамии.

А уж как заплутал мозгами, запудренными волхво-лохотронщиками, тут и капец приснился его приятию госрелигии, что продержалась все семнадцать династий, не ведая раскола и распада. Но этот Ахулидзалупон, как последний из Пти-Психов, поверил на слово халдейским рожам, будто бы всё во Вселенной сущее пребывает в неопровержимой (пусть хоть и не всегда с наскоку различаемой) взаимопересплетённости.

Короче, сопи себе в две дырки, но не тыркайся, не строй из себя Иисуса и не суйся в естественный ход развития, дабы не повлечь цепь событий неожиданных и — не исключено — ужаснейших...

Жене ж его, царице Нафталинти, было глубоко начхать

с любой и каждой из пирамид Египта на умопомрачающие догмы абстрактной умозрительности. И когда любимейший из её котов (бездонная глубь тысячелетий, жадно поглотив животину, не то что косточек, даже и имени обратно не выплюнула. Однако и поныне бродят, особенно по вечерам, легенды о хвосте его — крепчайше преупругом) вдруг занемог, царица ждать не стала, покуда сдохнет кошачья тварь естественным образом...

На гневную печать негодования на царственной харе фараона она забила полный ноль внимания и повелела созвать жрецов по части врачевания недугов. Собравшиеся единогласно, всем своим консилиумом предписали промыть коту кишечник через прямой проход.

А назавтра с раннего что ни на есть спозаранку Ахулид-залупон Пти-Пси влетел в покои Нафталинти, размахивая вскинутым в деснице широким листом папируса, с которого по всем направлениям розы ветров разбрызгивался запах свежей типографской краски, и проорал во всё своё фараоново горло:

– Допрыгалась?! Вот она — твоя коту клизма! А Атлантида-то — тю-тю... Утопла к халдеям собачьим! Из-за хвостатика твоего! Мать вашу!

...

Поделка эта (типа эпитафия к вроде как бы предисловию) сложилась в 89-м году, после природного катаклизма — Большого Армянского землетрясения, незадолго до ката-

клизма политического — Карабахской войны.

Впрочем, на дорогах Нагорного Карабаха уже вовсю разворачивалась «каменная война»: булыго-метание в мимоезжие автомашины, автобусы...

Следом пожаловали 4 года войны современной, на уровне последних достижений цивилизации, не скупившейся на артиллерийские, ракетные, авиационные бомбардировки.

Мир почти не заметил той войны, шума в нём и без неё хватало — трещала по швам и (в очередной раз) напояливали новые формы сиволапая Российская Империя.

В общем, мировая общественность так до конца и не разобралась: кто же они такие — карабахцы? По слухам — коренное население данного региона, но из показаний руководства бывшей Советской республики, куда их пристегнул товарищ Сталин — нет. А христианские храмы из первой половины позапрошлого тысячелетия строил совсем другой этнос, но потом растворился. (Да и сами храмы тоже не помешало б растворить).

Соваться в эти склоки мне не с руки, но если спросит кто — отвечу прямо: карабахцы — корневой народ данной планеты.

А чё мелочиться? Как и любой другой, что ухитрились выжить...

На травянистом взгорке у въезда в Степанакерт стоит композиция скульптора Саркиса Багдасаряна: две рукотворные скалы, одна возле другой. Слева — лысая голова бородатого

мужика, другая — женская, платком повязана. Народ прозвал это творение «Дедо-Бабо», ну а официально оно именуется «Мы и наши горы».

Однако при переводе с армянского упущено слово «есть», следовало бы так: «Мы и есть наши горы».

Древние горы. Древний народ. Приходили сюда завоеватели, устанавливали свои владычества. Насаждали вероисповедания. Тысячелетиями сменяли друг друга владыки, империи, веры...

А после всего этого водитель КРАЗа Гурген, чей дом через один от моего в Степанакерте, знакомя со своей родной деревней, показал на склон противоположной горы (их здесь тумбами называют) и сказал:

— В каменном веке наша деревня вон там стояла, а теперь через долину перебрались, тут живём.

Это не звучало похвальбой, а просто информация к сведению. Но вряд ли сыщется аристократ с фамильными корнями вглубь столетий, что указал бы родовое гнездо сопоставимой древности.

Здесь корни человечества. Живые корни.

И в этом, пожалуй, разгадка тому, как 180-тысячный народ выстоял против державы с населением из семи миллионов. Человечество не разумом, а чем-то ещё прочувствовало — нельзя вырывать корни, свои же собственные корни...

А в общем, карабахцы — люди как все. Значит, можно их любить, или на них сердиться, или писать о них же.

Предвижу упрёк: взялся писать про карабахцев, а вон сколько про себя да про своё.

Но, во-первых, я — карабахец не с прошлого года. А во-вторых, не важно о чём, а важно как. Стиль изложения у меня исконно карабахский: приобретался на должности переводчика в местной газете.

Передовицы её редактора Максима Ованисяна научили, что читателю любо, когда ему на плечо ложится дружеская рука и ты по-свойски так, по-братски говоришь: «Ахперь, ты и я, да мы ж с тобой...»

Очерки Сусан Атанесян на практике показали, как оживает содержание, если вставить простую чёткую деталь повседневного быта.

А вдумчивые статьи Наиры Айрумян привили вкус к созерцательности, неспешной и философической, отчасти.

Выпускнику подобной школы грех не сложить памятник неповторимо карабахскому стилю. Ну так встречай, братан, нерукотворного!

Название малость длинновато, зато по конкретным понятиям: «Провинциальное лето 98-го».

Сперва идёт вот этот вот эпиграф, хоть по длине даже на предисловие потянет, как думаешь?

А за эпиграфом вслед, уже на подходе, пара типа введений и семь штук очерков, сработанных в долгое лето года, обозначенного в уже представленном названии.

Ну и довольно объяснений: моё дело сделано — ляв кац¹,
дружище читатель!

'98\11\02

* * *

2

Студенчество Сегодня: Цели и Взгляды
(*типа введения в первую часть моей «Дорогой столи-
цы»*)

Пространство и время — материи тонкие, во всяком слу-
чае на Востоке, который ожирением, в основном, не блещет.
Не сказать, будто совсем уж полный кощей, однако же тоще-
ват. Среднестатистически.

Ладно, диетологию можно и послать пока что — у нас
тут более важные (хоть и тонкие) понятия заждались. Они,
вышепомянутые пространство и время, порой здесь могут в
гордые узлы сплестись непостижимо сложные, в такие из-
вивы лабиринтятся, что кое-где даже у компаса в растерян-
ности челюсть отвисает: ё-моё! А это — что тут? Вход или
выход?..

Пространство до сих пор с прикидом не определилось: что
ни день, новые эпитеты для подиумной прогулки примеря-
ет — то буферное оно, то жизненное, то автохтонно-этниче-
ское.

У времени свои причуды — козлёнком резвым скачет, ту-
да-сюда-обратно: из часового пояса геофизического место-

¹ Ляв кац, на карабахском кармянском: „1) будь здоров!; 2) не балуй!“

положения — скок! — в область экономической целесообразности, но через миг (ни «бе!», ни «ме!» ещё проявлять не успело) копытца вдаль его несут, в учёт политических реалий региональной ситуации, чтобы часы с минутами тикали точь-в-точь как у Старшего Брата.

Ох, непросто выбор перед местным руководством: на чьё, в конце концов, летнее время правильнее переключиться — на ереванское или московское?

Там и там как плюсов, так и минусов — с избытком, попробуй головой не закружиться от сложности раскладов.

В условиях настолько хитрокрученных материй ухо держи востро и не пытайся хлопнуть им об второе. Нет, не проста тут чехарда! Предугадать невозможно: куда тебя киданёт за следующим порогом. Хорошо, если и там тоже — комната, а когда пустыня — ощутимо хуже, но лишь бы в кратер не угодить, где уже вулкан включился.

...

Ффу!... На этот раз, похоже, пронесло, и, одолев последние метры пространства, пронизанного аравийским зноем, в котором даже запах пыли пышет жаром, наступаешь на дребезжащую железом приспособу для оскребания обувных подошв, поочерёдно: ногой левой, потом правой.

(Хотя особой разницы нет, можно и наоборот. Вот чисто из принципа, для проверки, сделай два шага обратно, можно и без разворота. Теперь ногу перемени и вернись на железяку. Убедился? Ну я ж говорил: никакой разницы... Но

ты силен! В такую жарынь — и не поленился!...)

Затем восходишь (чинно, с достоинством) на три длинно-предлинные ступеньки под мраморной облицовкой и сквозь распахнутые настежь двери минуешь остеклённость входного шлюза-отстойника, чтоб наконец-то окунуться в тихую прохладу и освежающе мягкий полусумрак в стиле монархических дворов эпохи Реформации.

Глаз, всё ещё оглушённый невыносимым блеском оставленного на улице светила, пока что малость не в себе — в растерянности: испанский ли тут Эскуриал или, всё же таки, — Лувр в Париже?

Под сенью мглистых сводов течёт, журча, неспешный церемониал дворцовой жизни. Придворные красавицы плетут свои интриги и, сбившись там и сям в щебечущие стайки между массивно оквадраченных колонн, оценивают [без промаху и моментально] узорчатые туалеты своих подруг (а по совместительству — соперниц, уж ты не спорь: против «се ля ви!» приёма нет). Выносят модный приговор всему, доставленному для прихоти обильной в торговых караванах бесстрашных «челноков» из Персии, она же Иран, и из прочих полдневных близлежащих стран.

Ах, что за чудо неизъяснимое — наряды эти, глобально одинаковые!

Сплошная магия и волшебство — одеться так, чтоб всё осталось явным, подчёркивая и впечатляя, и безутайно облекая пышность форм, пленительную плавность линий и рос-

кошь остальных приманок под полупрозрачной драпировкой!

А феерическое колдовство парфюмо-ароматов и сладостных благоуханий вмиг наполняют нос восторгом, дикой экзальтацией — вот-вот с ума сбрендит бедняга, с него станется.

Да окажись тут Н. В. Гоголь, в этом цветнике, в этой немыслимой помеси розария с колумбарием, то захлебнулся б классик собственной слюной. А если бы его случайно откачали искусственным дыханием (рот в рот), то он — не сходя с места — тут же бы спалил и первую часть «Мёртвых душ», чтоб на пепелище строчить продолжение «Коляски» как минимум в трёх томах...

По каменным плитам зала похаживают военные, щеголяя выправкой (однако же без шпаг — Ришелье запретил дуэли).

Остальная часть придворной молодёжи мужеска пола (не менее бравая даже и без формы) военных в упор не замечает, впрочем, случается и побрататься — спланировать пирушку или побиться об заклад насчёт... хотя им виднее.

Военная косточка — сердцевина всякой весёлой компании, рискованных предприятий, да и просто дворцовых переворотов...

Стоит невнятный неумолчный гул, в котором слиты и притопы каблуков, и скрипы портупей, и кастаньетный треск ресниц в подмигах, и пришлёпы ладонью в бицепс, и взбряки бижутерии, приманчивые хиханьки, увильчивые хаханьки

ки, брифинги эксклюзивные — «...ой, ну ты смелая... а он?.. вуй!.. и ты ему тогда? Да?!...» — что начинаешь мало-помалу выходить из себя: Мадрид это, в конце концов, или, чёрт побери, Париж, или в какую-то иную угодил, прости Господи, Вену?

И взор твой, устремляясь ввысь, карабкается на всякий дальше, поверх парадной лестницы с витражами, пока не вперится в зеленоватое мерцанье цифр на квадратной морде чёрного ящика электронных часов — без промаху, по-робин-гудовски — точняк в центре потолочной балки.

И уфф! Отлегло... Всё в порядке: никаких Мадридов с Венами, ты там где надо — в Арцахском государственном университете, а все эти красоты и бравости — молодёжь, явившаяся черпать в нём познания...

А нас-то, сударь, сюда какого... занесло?

Классифицировать надобности остальных присутствующих мне недосуг — имею конкретное задание главного редактора газеты «НК Республика» — разобраться и доложить:

1. в чём цель студенческой молодёжи на сегодня; и (заодно, прицепом)

2. каков их взгляд на своё настоящее и будущее...

...

На втором этаже от вестибюльной прохлады не остаётся и воспоминаний.

На втором этаже во всех классных комнатах — день открытых дверей и распахнутых окон. Однако разленившийся

на жару воздух не слишком-то пошевеливается. Висит (паскуда!) — дожидается, чтоб его двигали щекоткой бумажных вееров, выданных из тетради.

Двери — настежь, окна — нараспах, а сквозняка в помине нет. Можно смело ходить по коридорам и — через готовые к обнимашкам двери — изучать взгляды студенчества.

Картина в аудиториях примерно одинакова.

За ближним к распахнутой двери столом, спиной к нетрогнутой настенной доске, — сидит, полурасплавленный жарой, преподаватель. Перед ним, передом к той же бездельной доске, прореженная горсть студентов. Их взгляды зависли — обездвиженно — в различных точках пространства.

И только выдвинувшийся из них студент, что уселся как раз напротив препа, залип своим преданным взором на овале лица наставника.

Мудрый ход: у него на носу сессия (это не про лицо, а про студента), и нужно заложить в экзаменатора положительные эмоции относительно себя.

Однако и его верноподданный взгляд заметно остекленелый. Даже он сейчас явно не здесь: засмотрелся в будущее...

...

Ну разумеется, цель современного студенчества та же, что и во все времена — закончить этот... университет. Просто нынче надо поосторожней выбирать выражения. Если ляпнешь, что цель их — получить образование, преподаватели поднимут тебя на смех.

Какое там образование, какие знания! Они заявили, купить диплом. Обменять бумажки на бумажку. Смотрят на университет как на ярмарку невест. Сюда являются поблистать нарядом (а кто откажется?), да приискать себе хоть кого-нибудь (не про меня, я на задании!).

В общем, типа вроде как если зашли бы в магазин, купили коробку конфет, конфеты высыпали и унесли пустую картонку.

Декан N-ского факультета решительно и громогласно отрицает право студентов думать, будто они тут лишь затем, чтоб купить диплом... (Но в частном порядке признаёт, что так оно и есть на самом деле.)

Однако её мнение — это взгляд извне стоящей передо мной задачи. Как само студенчество смотрит на своё настоящее?

А смотрит оно с горечью разочарования. Сколько сил затрачивалось в школе на факультативы, занятия с репетиторами. Как бурно пенилось кипение страстей и чувств: только бы поступить! О, как я начну учиться!

Сбылась мечта...

В первый месяц накупил студент тетрадок, ходил на лекции, записывал чего-то, в библиотеку заглянул раз-другой, как все.

А дальше пошёл процесс утраты иллюзий. Лекторы бормочут не понять чего либо то же самое, что и без них есть в учебниках. А вся наука очень уж смахивает на подготовку

школьного утренника: заучи стишок, расскажи на экзамене — получите оценку.

И это человеку семнадцать лет! Который готов весь мир перевернуть и осчастливить и именно для этой цели поступал в университет, чтобы взойти на сверкающие вершины знаний, получить ключи и доступ к тайнам и пультам управления взрослого мира.

Это ему-то участвовать в детсадовских монтажах? Слушать нудный бубнёж лектора? Четыре года?! За что?!

Разочарование, как и всякое чувство, ищет выход...

Госпожа А. А. Бадалова, небезызвестная фигура на ниве местного просвещения по части психологических наук, побывала в регионах, ставших с некоторых пор зарубежными. Оттуда она привезла весть, что и для тамошних преподавателей главная проблема — наплевательское отношение студентов к учёбе, переходящее, по свидетельству всё тех же зарубежных педагогов, в жуткие эксцессы.

У нас на этот счёт гладь и благодать. По-видимому, сказывается провинциальная незыблемость патриархальных устоев. Наша молодёжь умеет держать себя под контролем.

Ну конечно, случается иногда, не без того...

Вон портрету Чернышевского начиркали мелом пиратскую повязку на глаз, но потом для компенсации тем же мелом намалевали орден на грудь, чтоб не слишком уж обижался.

Максиму Горькому вlepили окурок сигареты в рот. Он-то,

бывало, всё больше «Беломор» смолил, так пускай «Кэмелом» дедулька побалуется.

Ну какой в этом вандализм? Так, баловство, невинные шуточки недорослей.

Но в хохмах этих явно просматривается взгляд студентов на своё настоящее: они им недовольны, они на такое не подписывались. Они его не принимают и выражают протест в такой вот недозрелой форме.

А что если, раз уж студент теперь платит за обучение, он не просто студент, но ещё и клиент в придачу? А вдруг и впрямь — как подметило дальнее зарубежье, раньше нас ступившее на путь подобных отношений, — клиент всегда прав?

И даже когда сыплет на пол мои конфеты, то мне остаётся лишь почтительно подкидывать и улыбаться счастливой улыбкой.

Что делать?

Искать у Чернышевского бесполезно, вон он там набурмосился под своей кутузовской повязкой, и орден суворовский его не умаслил.

И автор «Моих университетов», «Кэмелом» подкупленный, тоже за них.

Отчаявшись, обращаюсь напрямую к самим студентам:

— А чего вам вообще тут надо?

И получаю конкретный, на удивление зрелый ответ:

— Умного преподавателя, который научит нас нашей бу-

душей профессии.

Вот тебе и вандалы!...

(Милые вы мои! Да где я вам сыщу такого за пятнадцать тысяч драм в месяц?)

...

— Норик, ну а что лично вам дал университет за два года учёбы?

Норик вальяжно откидывается назад, до упора спиной в последующий стол, томно запрокидывает локти кверху и сплетает пальцы рук на затылке.

— Я здесь познал женщину, — скромно сообщает он.

Эх, молодо-зелено! Эх, *sancta simplicitas*! Эх, наивная самоуверенность юности. Эх!.. Да на познание такого предмета... вернее, материи... то есть, точнее... да и всей жизни не хватит!...

Впрочем, это уже другая тема...

Мне же остаётся лишь провентилировать насчёт их взгляда на своё будущее.

О, тут полный порядок! Юность полна оптимизма.

Пройдёт ещё пара лет, они выкупят свой диплом и тогда уж точно перевернут и осчастливят весь этот мир.

Так что у мира и у меня в том числе в запасе ещё два года.

Хотя очень уж скользкая это штука — время. А тем паче на непостижимом Востоке, где созревание происходит почти мгновенно. Да ещё когда скачет оно, понимаешь ты, туда-сюда-обратно...

А ну как эти два года обернутся парой месяцев? Что тогда?

Взрослый проявит разочарование иначе, не так как недоросли...

И когда они углядят, что им скормили фантики без начинки, то не хотел бы я случайно оказаться в слишком близкой к ним точке пространства.

Не подскажите, где здесь вход на выход, пожалуйста?

* * *

3

Семейный портрет в Интерьере из Рыночных Отношений
(*типа опять введения*)

Присказка:

В некотором крайне далёком от нас государстве (прошу непрерывно держать в уме это счастливое *circumstance* — дело было за тридевять земель), демократия распустилась, ну до того уж махровым цветом, что власти усмотрели счесть возможным полное снятие надзора за средствами массовой информации. Руководителям же оных средств сверху спустили разъяснение:

Вы, товарищи-господа-граждане, не дети малые, сами обязаны сознавать всю сложность протекающей ситуации и в чём конкретно состоят госинтересы суверенитета, каковой блюсти надлежит и ночью, и днём, и незыблемо. Тем более с переходом на самоцензуру. Запретных тем у нас нет и не предвидится, постольку-поскольку вы же не дети малые и...

(снова см. начало данного разъяснения).

И таким вот макаром у властей весьма неблизкого отсюда государства убавилось количество забот. А всё потому (и это следует подчеркнуть особо), что в людях, стоящих на до-вольствии в сфере средств массовой информации, до крайности буйное воображение: поначитались, понаслушались, поднахватались и начерпались.

Такому воображению застращать себя до истерики — что два пальца обсосать.

— Ой, а вдруг меня теперь потащат в застенки губЧеКа?

— Или сошлют в 37-й год, без права переписки?

— Или на плаху с Емелькой Пугачёвым?

Из каких-то соображений своего воображения органы информации самостерилизовались до такой умиляющей степени, про которую власти и мечтать не могли в старые добрые, додемократические времена.

Ведь государственные интересы — штука довольно-таки растяжимая, как и само понятие «государство»; порой и въехать затрудняешься: на что конкретно их натянуто в текущий вокруг нас момент.

Один француз... (да нет, тут не про графа-изобретателя, который подарил миру предохранительно растяжимую штурковину; это про другого, который королём был).

В общем, звали его Людовик, под инвентарным номером четырнадцать.

Так этот самый Луи в один из текущих моментов соизво-

лил спустить такое разъяснение:

— Государство, — сказал № 14, — это я.

Но так это ж когда было! С той поры столько воды утекло, что даже и представить невозможно — под каким номером проходит самый на сегодня ходовой размер.

А ну как нынешнему номеру вдруг стукнет в голову, что государство — его левая пятка?

В таких раскладах необходим сверхсмотнительный подход, дабы ничью мозоль не зацепить: а ну как вдруг окажется госинтересной?.. А мы ж не дети малые, нас можно покарать уже и вдоль, и поперёк...

А когда на ответработника массмедийной информации нежданно-негаданно наезжало вдруг вдохновение и — опаньки! — сама собой вылазила (вылуплялась типа) какая-нибудь строчка в, предположительно, поэтическом стиле: «Какое небо голубое!», то самоцензурный элемент в его ответственном сознании тут же всплашивался, бил в набат и бдительно призывал к порядку:

— А спросить бы тебя: это на что ты тут такое намекаешь, а? Небо-то, оно — наверху. А верхи — руководство. Стал-быть, ты здесь выразительно указал, что правительство наше — пидоры? Поголовно?

И в ключья рвалось злосчастное, недовырожденное творение... Да ну его к лешему, а то ж зафурычат поэта в крайне северные районы родного региона, где козам рога распрямляют. А потом кто тебе, поиметому, поверит, будто ты вовсе

не то имел в виду?...

Однако повторяю: всё это имело место в некоторой очень и очень далёкой отсюда стране, а если кому-то взбрѣдет на ум усомниться или же проводить нездоровые параллели, неоправданно странные, то подобная линия идёт вразрез с интересами... Ну сами знаете, не дети малые. У самих, небось, уже дети есть, м-да...

...

Когда давнишний мой благодетель, Максим Ервандович Ованисян — для-ради блага детей моих — согласился дать мне работу, он прекрасно сознавал, с кем связывается.

Первая же проба пера (статья про студенчество и их взгляды) не обманула его опасений.

— Жѣлчно пишешь. Сарказма много. Зачем?

Мои путанные пояснения, что не я пишу, а через меня пишется; что пишет ручка, которую держу я, которого использует не знаю кто, чтоб выписалось вдохнутое Красное Слово, он и дослушивать не стал. Отмѣл всю эту белиберду в корзину, что пряталась под его редакторским столом: для бумажного мусора и пустых метафизических бредней.

Он малость посверлил меня стеклянными бликами в оправе его очков и сделал блестящий по своей виртуозности ход:

— Тогда такая тебе тема будет. Напиши, как ты живѣшь на свою учительскую зарплату. Скажем, послала тебя тѣща на базар, и с чем ты оттуда вернулся.

Ох, искушён. Ох, умудрён многоопытный Максим Ервандович! И ход его прост как всё гениальное, и гениален как всё простое.

На, получай темочку: ты и рыночные отношения. А дальше — валяй! Выбрызгивай свою желчь на рыночные отношения (на которые уже столько всякого понатрухано, что от пары лишних плевков им ни жарко ни холодно) либо, для разнообразия, можешь посарказничать в свой персональный адрес.

Короче, любезный, тему получил? Топай отседова — раскрывай её в меру своей одарённости, хе-хе, или кофейком тебя угостить на дорожку?

От кофе — по закону жанра — пришлось отказаться.

Ну а коли уж пошёл такой ва-банк, слушайте... А верней — смотрите. Раскрываться, так раскрываться! Вот он — обещанный...

Семейный портрет

1)

ФИО: Огольцов Сергей Николаевич, 44 года

Профессия и стаж:

- слесарь (2 года)
- каменщик (9 лет)
- шахтёр ($\frac{1}{4}$ года)
- прессовщик (1 год)
- аналитик-переводчик (3 года)
- учитель английского (8 лет)

Месячный заработок: 30 000 AMD (15 тыс. в АрГУ + 15 тыс. в СГУ)

2)

ФИО: Цатурян Сатэник Александровна, 34 года

Профессия и стаж: учительница физики и труда (12 лет)

Месячный заработок: 10 000 AMD (школа № 8)

3)

ФИО: Багдасарян Рузанна Артуровна, 15 лет

Профессия и стаж: ученица десятого класса

Месячный заработок: 00 000 AMD

4)

ФИО: Огольцов Ашот Сергеевич, 8 лет

Профессия и стаж: ученик четвёртого класса

Месячный заработок: 00 000 AMD

5)

ФИО: Огольцова Эмма Сергеевна, 3 года

Профессия и стаж: независимая исследовательница окружающего мира

Месячный заработок: 00 000 AMD

6)

ФИО: Ованисян Эмма Аршаковна, 72 года

Профессия и стаж: пенсионерка

Месячная пенсия: 8 000 AMD, включая добавку за инвалидность

...

Имеются также:

— самодельный дом с некоторыми удобствами;

— 6 соток земельного участка на круто пересечённой местности;

— петух (один);

— куры (две) — подарок одной из своячениц...

В общем, на рынок тёща меня не посылает, все финансы в руках её дочери — Сатэник.

Зарплату из двух университетов я ставлю на стеклянную полку в серванте (подарок другой свояченицы), а если случается опаздывать на работу, Сатэник выдаёт мне 30 драм для маршрутки.

Приятно, наверно, постоянно чувствовать в своём кармане тугую пачку крупными купюрами. Не знаю, не приходится. Но не в деньгах счастье. И не в золоте.

Главная на свете драгоценность — янтарь. «Сатэник» в переводе с армянского означает «янтарчик».

О, какая это женщина! Какая женщина!

Одна поэтическая особа (шесть сборников стихов за спиной) беспомощно развела руками и сказала: во всех словарях не набрать достаточно эпитетов, чтобы передать, насколько Сатэник роскошная, и восхитительная, и обольстительная, и... Опять развела руками.

Ну так всё это я и без словарей вижу, чувствую и говорю.

А Сатэник отвечает, что это низкая подлость — взвалить всю ответственность на неё. Принёс несчастные свои тридцать тысяч — и в ус не дую, а ей потом выкраивать да пла-

кать, что у детей этого нет, того нет; и на хлеб занимать приходится, а потом самой же в хлебных очередях выстаивать. А поэтические слова я ей говорю только затем, чтоб она меня не посылала в магазин.

И это правда. Зимой мне почти не пришлось торчать в многочасовых очередях под хлебным магазином: ходила она с Рузанной, а я отсиживался в тепле да писал тексты лекций, которые студенты всё равно прогуляют.

Впрочем, такие отповеди она выдаёт лишь под конец месяца, когда зарплата кончилась, а деньгами, у кого возможно, — одолжились.

Так что суть фокуса — пережить конец месяца, а в остальные недели... О, какая она женщина! Заявляю со всей ответственностью сорокачетырёхлетнего опыта.

Но никакой опыт не спасает, когда она наслушается умных речей из телевизора: про экономику, корзину потребителя и прочую муйню.

Тогда она берёт карандаш и начинает вычислять наш семейный бюджет.

После этих расчётов я пару дней хожу в негодях, способных только детей плодить, а не кормить их.

Но всё равно люблю я её. Потому что ж — О! — какая женщина! (Когда не думает про бюджет.)

Вот за что и не люблю я телевизор, хотя зла ему не желаю — чем нормальней он будет показывать, тем больше зрения у детей сохранится. Удивляюсь, как они умудряются ка-

кие-то мультики в нём различать меж всех тех смутных пятен и полос дырдырамных.

Ну а бюджет — что? В нём же всего не учёшь. Порой и шальной перевод подвернётся, или свояченицы какой-нибудь продукт передадут.

...

Расходы на своё содержание у меня чётко к минимуму сведены. С декабря 91-го я перешёл на вегетарианскую диету и безалкогольный образ жизни. На аптеки тоже не трачусь — два раза в день повторяю комплекс из четырнадцати с половиной оздоровительных упражнений по системе йогов.

Хотя «четырнадцать с половиной» — это, пожалуй, громко сказано: в том половинном упражнении я вряд ли и на треть перекорёживаюсь, если сравнить с фоткой из книжки Рам Кумара.

И от бритья бюджету ни малейшего урона: вообще не бреюсь — бороду запустил.

Когда приходится совсем туго, Сатэник плачет и говорит, что во всём борода моя проклятушая виновата, — отпугивает потенциальных учеников английского, и нет у меня из-за неё никаких абитуриентов, желающих готовиться к вступительным.

Но они ж не дураки: платить тому, кого в экзаменационной комиссии и близко не увидят!

Порой с ножницами в руках она отчикивает от моей бороды сколько ухватила. Я не слишком-то и сопротивляюсь.

Зато потом какая!...

В общем, мой вклад в бюджет по большей части пассивный — не трачусь на то, обхожусь без этого.

А непредвиденные бюджетные доходы — это чаще через Сатэник. Она ведь ещё и шьёт на дому. Случается по два платья в месяц, бывает — всего одну юбку в два. Пойди тут поучитывай.

...

Рузанна — девушка красивая и рукодельница. Вот только посуду мыть наотрез отказывается. Подобное занятие не к лицу Мисс Арцах-2000.

А что касается её запросов: всё как положено любой взрослой дочери. Иногда помогают родственники её биологического отца. Особенно эмигрировавшая в Грецию тётка.

Ашоту переходит одежда от его кузенов постарше, хотя и мы, конечно, покупаем или Сатэник пошьёт, но и то, и другое, и третье он приканчивает одинаково быстро.

Когда ни глянешь: нос его в книжках, безвылазно, а одежды не напасёшься — будто он в натуре сквозь джунгли продирается на тех затерянных мирах с таинственными островами.

Трёхлетняя естествоиспытательница Эмма подгрызает устои мира. Основной инструмент познания у неё — собственные зубы, а когда даёт ему, миру, передышку, то начинает разговоры разговаривать:

— А я — чивалек?

— Ну, конечно, человек, милая.

— Я — хороший чивалек! Хочу цамон керять²!

Эмма Аршаковна поддерживает дипломатические отношения с внешним миром в лице соседей и знакомых, кому случилось пройти мимо подворья, а плюс к тому — наводит порядки в доме.

Просто диву даёшься: до чего много порядков можно напхать в такой маленький дом. Но тёщину позицию ничто не поколеблет: карог а аркавер кя³.

Куры несут яйца крайне иногда, но где — не признаются.

Меня используют как придаток и движущую силу при лопате и прочем инвентаре для садово-огородных работ.

Так оно и катится, покуда не подступит мёртвый сезон — каникулы. Два, практически, неоплачиваемых месяца, а к ним ещё один до первой зарплаты в новом учебном году.

А дети малые, а цены высокие, а видимость в телевизоре окончательно накрылась, но этот сволочь-негодяй по-прежнему бубнит про корзину потребителя.

Короче, я пришёл в редакцию газеты и сказал:

— Сезончик-мард эм⁴ — готов писать, что прикажете.

Максим Ервандович призадумался, но согласился, хотя и знал, на что нарывается...

Однако Сатэник и тут меня обскакала, она работу прежде

² Цамон керять, на карабахском армянском — „кушать жевательную резинку“.

³ Карог а аркавер кя, на карабахском армянском: „а вдруг, да пригодится“.

⁴ Сезончик-мард эм, на карабахском армянском: „я сезонный рабочий“.

меня нашла...

...

Много найдётся разногласий меж представителями рода человека — от политических до эстетических или даже этнографических. Однако в кое-чём одном воззрения их сходятся. Как вы посмотрите на мороженое, когда вокруг открытый солнцепёк?

А посмотрите вы с вожделием. Мороженое все любят.

В Степанакерте есть два цеха по производству мороженого: один на госмолзаводе, а другой частный, в пригороде Мялу-Бялы.

Начинается жара — открывается сезон, и цехам требуются работники: заполнять, снимать, заливать, фасовать, чтоб назавтра было чем наслаждаться проходим на улицах столицы.

Про молзавод данными не располагаю, а в Мялу-Бялы работа в две смены, и 90 % рабочей силы — преподавательницы из городских школ.

Хозяину выгода двойная: нет надобности долго объяснять новым работницам процесс производства — все с высшим образованием, на лету схватывают; а во-вторых, язык учителей хорошо подвешен, так что теперь в городе на средне-образовательном уровне только и разговоров, что про виды да сорта да про высокое качество мороженого из этого цеха.

За производство одной порции мороженого работнице полагается один драм, а рекламу они выдают бесплатно.

Тёща моя сперва категорически была против. Ещё бы — вековые устои Востока в тартарары!

Вторая смена кончается за полночь: час ночи, два часа, три часа ночи, а женщина не дома. Потом придёт, расскажет про заминку на производственной линии или как забарахлила машина у водителя, развозящего вторую смену по домам. Да и не под самую же дверь подвозит.

Женщина. Одна. В ночном городе. Без надлежащей охраны и должного надзора.

Вот куда завели эти рыночные отношения!

Мало того, что ты от денег отказался, и от мяса, и от спиртного — теперь ещё и жену отдай, а сам, проснувшись в час, в два ночи — один в пустой кровати — крутись одиноко, отпихивай из головы нагло борзеющую ахинею недоспавшего воображения.

Не всякому мужу по плечу такое испытание. Некоторые запрещают жёнам заниматься этой подённой, то есть понощной, сезонщиной.

А подобная несознательность, между прочим, ведёт к созданию проблем в процессе производства наслаждений для дневных прохожих...

...

А я, мужики (хоть это касается любых прочих сословий), скажу прямо: коли в жене своей усомнишься, значит, в себе ты не уверен, в своих, стало быть, силах.

Опасный знак. От неуверенности рискуешь и впрямь не

сдюжить, и тогда — да, деваться некуда, ей остаётся один выход — налево. А уж такого добра найдётся и поближе, чем в Мялу-Бялы...

К сожалению, отчётливых статданных по затронутому вопросу не имею, но элементарный житейский опыт не станет возражать, что процент мужей-рогоносцев одинаков: и среди супругов «домашних» женщин, и среди тех, чьи жёны заняты в сфере производства, обслуживания и прочей «внедомашней» экономической деятельности.

Был бы спрос, а предложения найдутся. Иными словами — чьюры чампа кыгытни⁵.

Помните, с чего начинаются сказки «Тысячи и одной ночи»?

Там один тупой джинн посадил женщину в сундук, цепями его обмотал и замок навесил. Причём весь этот груз дома оставить не решался, а повсюду при себе таскал — для гарантии, что женщина эта — полная его собственность, поскольку остальные варианты он типа как предотвратил...

Ну и так что из этого вышло?

Да что я вам — сказки тут нанимался рассказывать? Вы ж не дети малые. Возьмите да перечитайте сами.

А у меня и поважней дела найдутся. Вон, лампочку надо во дворе включить.

Потом приду, и лягу в пустую супружескую постель, и засну, если повезёт, а к часу или, может, ближе к двум —

⁵ Чьюры чампа кыгытни, на армянском: „вода найдёт, где просочиться“.

проснись: дожидаться, как затопчут — от калитки к двери — туфли Сатэник; пленительной, обворожительной, неопи-сваемо прекрасной Сатэник.

Да нет, не моей, конечно же, а просто — женщины.

Но зато какой женщины!

* * *

4

(1) Гении живящей чистоты

Когда на смену уходящей ночи мало-помалу разливается предутренняя мгла, в которой начинает проступать волни-стый контур взгорий вокруг Степанакерта, а затем — поверх верхушки кряжа с восточной стороны — протянутся неж-но-розовые пальчики Эос, богини утренней зари у древних (не с тем, чтобы щупать или щипать — нет, конечно! — но осязательно проверить чистоту небес над городом: ох уж эта ночь! Сколько ни объясняй, всё без толку — вон там, сле-ва по своду, опять пушинки облаков набросаны!), супруги Драванц, Ашот Вартазарович и Асмик Арзумановна, уж на ногах.

И в ранний час рождения рассвета, когда в домах горо-да ещё мирно спят и млад и стар, эта супружеская пара (и не одна она) уже вкушает хлеб свой, запивая чаем, прежде чем выключить приборы искусственного освещения и пере-ступить порог жилища, выходя на улицы, нетронутые (пока что) лучами светозарного светила.

В немую пустоту спящих улиц выходят также и Арега Ха-

чиковна Акопян, и Элина Асцатуровна Карапетян, и Бягун Герасимовна Арзангулян, и многие другие из ста сорока семи гениев саночистки, что значатся в списках штата степанакертского Госпредприятия Коммунального Хозяйства.

Но да не вздумается никому счесть досужим бла-блогеризмом такую щедрую раздачу титулов или высматривать ухмылочку (никоим образом тут не уместную) в адрес вышепоименованных лиц, а также коллег в их профессии.

Шутки в сторону! Речь идёт о материях слишком серьёзных, и потому термин «гении» употреблён нами не в широком смысле (странный тип со включенной причёской и шизоидным блеском глаз — нет!). В данном случае слово взято в его изначальном значении: «гений» — охранитель рода.

Именно на это — сохранение жизни рода человеческого в городе Степанакерте — направлены усилия гениев чистоты, когда они своими насаженными на держак мётлами проводят саночистку 4 тыс. квадратных метров «делянки», выделенной на душу каждого из них.

Много это или мало: 4 тыс. квадратных метров?

Прошагав от Шушва-Угла вниз до железных ворот роддома — знайте: проезжая часть улицы и тротуары по обе стороны пройденного отрезка пути как раз таки и составят искомую площадь делянки на одного «гения чистоты».

А для тех, у кого означенное расстояние промелькивает под колёсами автотранспорта, поясним, что размерами своей площади делянка равна стандартному полю для футбола.

Ну а теперь, имея количественное представление, — идём дальше.

Сказано: «своими мётлами». Но позвольте, разве Госпредприятие их мётлами не обеспечило?

Да, выдаёт — иногда еженедельно; а случается, что в полмесяца раз. По этой причине особо добросовестные гении вынуждены производить самозаготовку из пышно разрастающейся в летний сезон полыни.

А что ещё выдаёт им Госпредприятие?

Единожды в год — халат и две пары рабочих рукавиц на зимний период.

А ещё, конечно, выдаёт зарплату. Шесть с половиной тыс. ежемесячных драм каждому гению, как утверждает директор Госпредприятия Коммунального Хозяйства Балаян Аркадий Айрапетович.

— Шесть тыс. 203 драма, — упорно не соглашается (в его отсутствие) одна из тех, кто на метле.

Ну а мы, придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела суверенного Госпредприятия, не станем доискиваться, чья цифра точнее.

В конце концов, цифры тоже ведь вещь относительная. К примеру, из 147 числящихся в штате саночистителей работают, по мнению директора Балаяна, где-то 120 (при большой текучести кадров трудно говорить определённое).

В чём причина их текучести?

А взвесьте сами трудности данной профессии — не вся-

кий выдержит ранние подъёмы, обусловленные жёсткостью временных рамок: работа на твоей делянке должна завершаться к 7:30 утра, чтобы пешеходам не пришлось глотать саночистительную пыль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.